

КОСТОБОКИ

«Асдинги, которыми предводительствовали Рай и Рапт, - сообщает Дион Кассий о событиях 170 или 171 г., - пришли в Дакию, чтобы поселиться... в надежде получить богатство и землю в качестве союзников; не получив же этого, поручили жён и детей (наместнику провинции) Клементу, намеревались захватить оружием землю костобоксов; победив же их, нисколько не меньше опустошили и Дакию» (Dio. Cass. LXXI, 12,1). Κοστοβωκοι, κοιστουβωκοι, κοιστοβοσι, costobocae и т. д. упоминаются и другими авторами.

Этот этноним сперва объяснялся из славянского. П. Шафарик ссылаясь на названия типа Коста, Костица, Костобобр, а также Налибоки, Четырбоки, Бялобоки и даже Вислобоки. Теперь «Налибоки», к примеру, уже считается производным от фамилии Молибог (множ. Молибоги), а «Вислобоки» имеет очевидное антропо-морфологическое, а не ландшафтно-географическое значение. Тем не менее, именно как славянское *boku* = бок, т. е. «страна», «сторона», «берег», читался Шафариком основной композит древних этнонимов *κοστοβωήκοι* и *σαβήκοι*. Это были обитатели берегов рек в Галиции - Косты и Сана. Верить этому отказался ещё К. Мюлленгоф, но его интерпретация аналогична. Композит *-βήκοι* объяснялся им тоже топографически. Он сопоставил *Κοστο-* с чешским *cesta* - «дорога» и с русским «чистый». «Чистому полю» русских песен соответствовал этноним *κοστοβωήκοι*. Предполагалось, что они назывались так из-за ландшафта. Равнина на верхней Тиссе, где они обитали, по сравнению с лесистой Верховиной воспринималась как чистое поле.

«Быть может, - писал столет спустя после П. Шафарика О. В. Кудрявцев, - имя костобоксов надо понимать буквально как "костяные бока" и связывать с ношением костяных панцирей...». Приходит на ум Павсаниево описание сарматского панциря из святилища Асклепия в Афинах. «Взглянув на него, - пишет Павсаний, - можно сказать, что варвары способны к искусству ничуть не меньше эллинов. У савроматов нет железа - ни добываемого ими самими, ни привозного... Но они нашли возможность восполнить этот недостаток: на копьях у них костяные острия вместо железных, луки и стрелы деревянные, а наконечники стрел также костяные... Панцири они делают следующим образом: каждый из них держит много лошадей... Их копыта они собирают, разрезают и делают из них нечто вроде змеиной чешуи.... Эти пластинки они просверливают, сшивают лошадиными и бычьими жилами и употребляют в качестве панцирей, которые ни красотой, ни крепостью не уступают эллинским: они выдерживают даже удары копий и мечей в рукопашном бою» (Paus. 1,21,5).

Что Павсаниево описание относится и к костобокам, подтверждает надпись в храме мистерий в Элевсине. Разорение этого знаменитейшего святилища, совершенное костобоками в конце 171 - начале 172 г. н. э., упоминается его гиерофарном в качестве *Σαυρομάτων... ἔργον ἄτιστατον* - «савроматов безбожного дела». Сохранение представления о них как о сарматах подтверждают латинские источники. «Естественная история» помещает их не у Карпатских, а у Кавказских гор, за сарматами (Plin. VI, 19). В конце IV в. н. э. Аммиан Марцеллин помещает *costobosae* сразу за европейскими аланами (Amm. XXII, 8,42). Интересно, что он упоминает также и роговые панцири сарматов. Это убедило М. И. Ростовцева, полагавшего, что «...ресурсы сарматских племён в отношении железа были не очень большими, так как Аммиан Марцеллин (XVI, 2,2) описывает сарматов, носящих чешуйчатые доспехи не из железа, а из рога». Но трудно представить, что, например, знаменитые длинные пики-контисы сарматской конницы, наносившие такой урон римским легионам, имели костяные наконечники. Причина использования роговых панцирных пластин была вовсе не в недостатке железа. Даже в позднеримскую и византийскую эпохи наблюдалась тенденция замены металлических деталей кавалерийских доспехов кожаными.

Павсанию, имевшему явно смутное представление о Сарматии, здесь надо предпочесть Тацита, осведомлённого, в силу своей должности проконсула, о вооружении сарматов. Знаменитый бой с роксоланами зимой 69 г. до н. э., истребившими тогда две когорты, упомянут в Тацитовой «Истории» на век раньше публикации «Описания Эллады». Ни о каких доспехах из кости или конских копыт там не упоминается. Тациту был известен материал сарматской катафракты. «Это, - пишет он, - прикрытие их вождей и всех благородных, составленное из железных пластин или очень твёрдой кожи, непроницаемое для ударов...» (Tac. Hist. I, 79). Мы полагаем, что один из таких кожаных панцирей и был впоследствии принят Павсанием за роговой. Ещё в XVIII в. были в употреблении так называемые лаковые доспехи. Расположенные как чешуи или черепицы, кожаные пластины таких доспехов пропитывались лаком, смолой или клеем. Аборигены Сибири использовали рыбий клей. Воины, облачённые в такой панцирь, как сказано в одном из селькупских преданий, выглядели так, будто «всё тело у них твёрдым и блестящим, вроде ногтей, было покрыто». Ещё больше роговой должен напоминать панцирь, тоже кожаный и пропитанный клеем, только не рыбьим. Его получали из копыт по древнему, но широко известному рецепту, который применялся, например, черноногими индейцами. «Характерно, - пишет Ю. П. Аверкиева, - что солдаты экспедиции Коронадо... сменили свои металлические панцири на индейские кожаные, так как они были удобнее испанских и защищали от индейских стрел».

Итак, применительно к античному Причерноморью речь должна идти о древних панцирях вовсе не из кости и даже не из рога, а из кожи, укрепленной, однако, специальным натуральным клеем. Что определение «роговой», в отношении сарматского доспеха, было скорее литературной метафорой, а совсем не технической характеристикой, следует, возможно, из упоминания Аполлоном Сидонием «роговых сердец» «грубых племён аланских» (Apoll. Sid. VIII, 9). Получается, что объяснение древнего этнонима κοστοβοῦχοι современным русским словосочетанием «костяные бока» представляет уже только историографический интерес.

В связи с этим этнонимом Ф. А. Брауном упоминались румынские (но не романские?) costi'i («склон горы»), а также costiou («холм»). Известно дако-мезийское прилагательное κοστι- «белый». Одновременно с П. Шафариком, но, в отличие от него, как дакийское племя К. Цейсом упоминались карпатские costoboci. Позднее мнение об их дакийской принадлежности разделяли многие исследователи - не только независимые от славянской проблематики, но и, например, Л. Нидерле.

Костобокские антропонимы П. Шафарик считал не славянскими, а как раз фрако-дакийскими. «В пользу родства их с Гетами несколько говорит имя королька костобоков, Pierogus», - писал он. И все остальные имена также со славянскими им никак не сопоставлялись: «Из других костобокских имён находим только следующие на римских надписях: муж. Natorogus, Sabituus, Tiatus, Tarscana, женск. Zia, Drigisa, Бираит. д.» От противоречия между славянской атрибуцией для самих костобоков, идакийской-для личных имён ихдинастов, П. Шафарик пытался избавиться с помощью, между прочим, сарматской аналогии. «Но известно, - ссылаясь он, - что уже скифские и сарматские корольки любили брать себе чужие имена: первые - мидийские и персидские, а вторые фракийские...». Однако недостаточность данной ссылки была очевидна. Ф. А. Браун указал другую причину неславянской принадлежности этих антропонимов: «... койстобоки и сабоки не были славянами, а потому и койстобокские личные имена Pierogus, Natorogus, Drilgisa не должны быть объясняемы из славянского. Они, действительно, не поддаются славянскому объяснению». Их дакийский характер считается одним из оснований для такой же атрибуции самих костобоков. «Довольно распространён в своё время взгляд, что эти карпатские племена были Славянами, не имеет под собою положительного основания, - подчёркивалось М. С. Грушевским. - Против него говорят особенно решительно известные нам койстобокские имена...».

Не сопоставлять же Natorogus со славянским Надбором, подчёркивалось ещё К. Мюлленгофом. Впрочем, В. И. Щербаков подобным советом нарочито не пользуется. Разделя старинную гипотезу о славянстве костобоков, он вообще все дако-фракийские имена понимает буквально - например, как

Ζαίχα. «В болгарском современном не осталось "заек"; в русском же это слово без всяких изменений звучит в детской речи, - пишет он. - Зайка - личное имя у фракийцев". Однако и учёным-фракологом В. Георгиевым также приводятся имена, которые тоже звучат вполне привычно славянскому уху. Так, по его мнению, к индоевропейскому *skogo-s* - «быстрый» - восходило, в конечном счёте, дакийское мужское имя *Scorilo*. Однако реальный *Scorylo Dacorum dux* («Скорило, вождь даков»), упоминаемый историческими источниками, вряд ли был славянином, поскольку известна ещё одна надпись: *Decebalus per Scorilo* («Децебал, сын Скорилы»), Отец этого знаменитого царя тоже был, конечно, заведомый дак.

Во фракийских и дакийских именах, согласно М. С. Грушевскому, повторяется «характерный росток» - *порос*. Этот *лорос*, *-лорас*, *-рог*, или *ругос* теперь уверенно возводится к индоевропейскому *ru-go-s* - «сын». В свою очередь, *Νατος*, или *Nato-*. в личных двухосновных именах объясняется с помощью также индоевропейского *natha* - «помощь». Итак, научная лингвистика позволяет оставить наивные «переводы», поскольку *Natororus* означает иное - «Помогающий сын». Еще больше, чем славянские, это имя напоминало уменьшительные римские. Они составлялись из *praenomen* отца фамилии и слова *puer*—«мальчик», «сын»: *Marcipor*, *Publipor*, а также, к примеру, *Naeor*, из *Naeos*, от *Gnaeus* + *puer*.

Имя Натопоровой бабки тоже объясняется из фракийского, где *Zia* означает «Божественная». Имя царя из другой латинской надписи - *Sabituus* - сравнимо с фракийским в греческой записи: *Zibutides* - буквально, «Благородный фракиец». Наконец, часть имени Сабитуевой дочери, Ульпии Лупы, было, по-видимому, дакийским. *Δβχοί*, известное со II в. до н. э., означало, по В. Георгиеву, «волки». Им приводится также дакийское имя *Δβvus* - «Волк», представляющее собой мужское соответствие переведённому на латынь женскому *Lupa* («Волчица»). Ульпия Лупа означает, следовательно, «Ульпия Дакийка».

«Обнаружение фракийцев по эпиграфическому материалу в высшей степени достоверно, - подчёркивалось А. Фолом, - тем более, что большей частью имеются не только имена, но и дополнительные данные о месте рождения, о родственниках и племени". Это целиком относится к обеим надписям, которые являются источником известных костобокских личных имён:

1. «М(арк) Ульпий Тарскана и Ульпия Лупа (Lupa), Сабитуя (Sabitui) дети, царю костобокскому, даку, отцу многодостойному сделали».

2. «Зиаие, Тиата дочери, дакийке, супруге Пиепора, царя костобокского, Натопор и Дрильгиса бабке дражайшей многодостойной сделали».

Уникальность этих эпиграфических источников о костобоках прежде всего в их аутентичности, ведь они, в отличие от всех остальных без исключения

письменных известий об этом племени, созданы непосредственно самими костобоксами. В Риме эти «варвары» были известны не в пример меньше знаменитых даков, и поэтому авторы надписей, адресуясь, конечно, к римлянам, настойчиво и ясно подчёркивали, что и они сами тоже происходят из даков и принадлежат к их числу. Это вполне понятно, например, в случае с Ульпией «Дакийкой», костобокской принцессой крови. «Жены костобокских корошков были Дакины», - пытался усмотреть их этническое различие с мужьями П. Шафарик¹. Но это прямо противоречило известной ему надписи на памятнике самому костобокскому «корошку» Сабитую, который в ней недвусмысленно также назван даком. О. В. Кудрявцев попытался провести этническое различие между их царями, с одной стороны, и самими костобоксами - с другой. Что первые были родичи царей свободных даков. ещё не значило, по его мнению, что все вторые тоже были фракийские даки. Но это, однако, противоречило не только вышеназванным надписям из Рима, но и общеизвестным фактам. Например, всеми королями без исключения, от Кароля I и до последнего, Михая, публично всегда подчёркивалась их румынская идентичность: этническая, лингвистическая, культурная, религиозная. Всё это было вполне естественно, поскольку диктовалось политическими интересами румынской королевской династии.

¹ Шафарик П. И. Славянские древности. М., 1848. Т. 1. Кн. 1. С. 342.

² Mullenhoff K. Deutsche Altertumkunde. Erster Band. Berlin, 1892. S. 84-85.

³ Кудрявцев О. В. Исследования по истории Балкано-Дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим вопросам древней истории. М., 1957. С. 50.

⁴ Ростовцев М. И. ΣΚΥΘΙΚΑ // Петербургский археологический вестник. 1993. № 5. С. 94-95.

⁵ Гемуев И. Н., Сагалаев А. М., Соловьёв А. И. Легенды и мифы таёжного края. Новосибирск, 1989. С. 128.

⁶ Аверкиева Ю. П. Индейцы Северной Америки. М., 1974. С. 310.

⁷ Браун Ф. А. Разыскания в области гото-славянских отношений // Сб. отд. русского языка и словесности Имп. Акад. наук. СПб., 1899. Т. 64. № 12. С. 151.

⁸ Zeuss K. Die Deutschen und die Nachbarstamme. Heidelberg, 1925. S. 696-697.

⁹ Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956. С. 51.

¹⁰ Шафарик П. Указ. соч. С. 346.

¹¹ Браун Ф. А. Указ. соч. С. 151.

¹² Грушевский М. С. Киевская Русь. СПб, 1911. Т. 1.

¹³ Mullenhoff K. Op. cit. S. 87.

¹⁴ Шербаков В. И. Века Трояновы. Летописная связь времён [Electronic resource]. - Mode of access: http://books.rusf.ru/unzip/add-on/xussr_ty/scherv04.htm.

¹⁵ Фол А. Трудовая деятельность фракийцев в западных провинциях Римской империи (I-III вв. н. э.) // Античное общество (Труды конференции по изучению античности). М., 1967. С. 74-81.

¹⁶ Шафарик П. Указ. соч. С. 346.